
Павел Торетто
АЛЬФА.
твоя пара сбежала
с волчатами

Павел Торетто

Альфа, твоя пара сбежала с волчатами

«Автор»
2026

Торетто П.

Альфа, твоя пара сбежала с волчатами / П. Торетто — «Автор», 2026

Альфа, твоя пара сбежала с волчатами. Я её нашёл.Бета Алана Кремнёва стоит на пороге фельдшера Виты Озёровой и смотрит на двух пятилетних детей за её спиной. Шесть лет назад Вита ушла из Белого ущелья беременной, поверив письму о союзе альфы.Теперь у близнецов начинается первый оборот, и без отца-альфы рядом волчонок может не вернуться в человеческий облик. Вита приходит к Алану сама, со своими условиями: дети да, она нет.Алан злится за пять украденных лет и не собирается решать за неё. Его мать смотрит на Виту холодно, а стая не принимает человека.Вита спасает людей в горах и защищает детей от тех, кто хочет забрать их в ущелье. Ей нужен честный разговор, которого Алан до сих пор избегает.Гроза над плато приближается. Дети вот-вот оборачиваются, а отец должен успеть.Кто на самом деле подбросил то письмо?При подготовке книги использовалась нейросеть.

© Торетто П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я её нашёл 5
Глава 2. Дети да, я нет 10
Глава 3. А ты кусаешься? 15
Глава 4. Накладные ногти 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Павел Торетто
Альфа, твоя пара сбежала с волчатами

Глава 1. Я её нашёл

– Альфа, твоя пара сбежала с волчатами. Я её нашёл.

Батраз сказал это в телефон, глядя поверх моего плеча на Велю и Аву, и я сразу поняла, кто у него на том конце. Шесть лет я не слышала слова «пара» и надеялась больше никогда его не услышать. А теперь бета Алана Кремнёва стоял на моём крыльце в Кизиловом, рыжебородый и хромой на правую ногу, как прежде, и держал телефон так, будто протягивал мне гранату с выдернутой чекой.

За моей спиной в приоткрытой двери стояли мои пятилетние двойняшки: Веля, прижимающий к животу деревянного волка, и Ава с зубной щёткой во рту, которая вышла в коридор посмотреть, кто пришёл, и теперь рассматривала чужого дядьку с откровенным научным интересом. Было без двадцати восемь вечера, пятница, пятое июня. Над Лесной пахло нагретым орехом и скошенной травой, а над плато Лаго-Наки уже собиралась далёкая, ленивая гроза.

– Гхм… Вита, ты только не кричи, – попросил Батраз и на всякий случай отступил на ступеньку ниже.

– Я не кричу, Батраз. Я фельдшер, я сначала оцениваю обстановку, а потом уже кричу, – ответила я и закрыла дверь у себя за спиной, чтобы дети остались в коридоре. Дверь, конечно, тут же приоткрылась на ладонь, и в щель блеснул любопытный глаз дочери.

Из трубки донеслось моё имя. Спокойно, почти лениво, но я знала этот голос слишком хорошо, чтобы обмануться: так он говорил, когда внутри у него всё уже решено.

– Вита, я понимаю, что ты не хочешь со мной разговаривать, и принуждать тебя не стану, но мне нужно услышать от тебя одно слово. Это мои дети?

Я взяла у Батраза телефон, потому что иначе он продолжал бы держать его между нами, как белый флаг. Экран был тёплый от его ладони. Шесть лет я репетировала этот разговор в душе, в машине, на ночных вызовах, и в каждой версии у меня находились красивые, жёсткие, продуманные слова. Сейчас от всех них осталось только одно.

– Зачем? – спросила я.

Он помолчал, и в этой паузе я услышала, как где-то далеко за ним скрипнула дверь и зашумел ветер. Я нажала отбой раньше, чем он успел ответить, и вернула телефон Батразу, а тот посмотрел на меня так, будто я при нём перешла дорогу на красный свет с коляской.

– Ох, Вита, – вздохнул он. – Ты в курсе, что он в Осетии? Он сейчас сядет в машину.

– Пусть садится куда хочет. Ты мне лучше скажи, почему ты стоишь на моём крыльце и называешь моих детей волчатами, когда они в соседней комнате могут тебя услышать.

– Потому что я не знаю другого слова для того, что случилось первого июня в вашем магазине, – сказал Батраз и опустился на лавку под орехом, вытянув больную ногу. – Присядь. Это не быстро.

Я выставила детей в коридор ещё раз, строго, голосом, которым обычно говорю «руки покажи» на вызове, и велела Веле следить за сестрой, а Аве дочищать зубы в одиночестве. Ава обиделась и ответила, что вообще-то зубы у неё уже чистые, а дядя Батраз смешной. Потом я села рядом с гостем на скрипучую лавку, на которую Асият в мае положила новую подушку в клеточку, и сложила руки на коленях, чтобы они не дрожали.

Батраз рассказывал медленно, подбирая слова, и с каждым словом мне всё меньше хотелось смеяться. Первого июня он приехал в наш посёлок за буковой доской для цеха, зашёл в магазин на Школьной, и маленькая рыжая девочка, которую мать держала за руку у холодиль-

ника с молоком, вдруг повернулась к нему, оскалилась и зарычала. Не как ребёнок, который играет в собачку, а низко, по-настоящему, с вибрацией в груди. Он учуял запах грозы, мокрого камня и воздуха перед ливнем, и сразу понял, чья это дочь.

– Четыре дня я смотрел, – сказал Батраз, разглядывая свои ладони. – Не подкарауливал, не думай. Просто выяснял, не ошибся ли. Сегодня утром видел, как у вашей калитки Веля разломал в руках чурбак, который я бы разломал топором. Вита, они же скоро оборотятся. Ты ведь уже это видела.

Я видела. С начала мая я видела всё, но складывала в разные папки, потому что мне так было проще. Жар до тридцати восьми и пяти без единого симптома простуды. Ава, которая слышала через две стены, как у соседки на другом конце улицы включали телевизор. Глаза, отсвечивавшие в темноте двумя зелёными монетками, когда я заглядывала в детскую ночью проверить дыхание. Двадцатого мая я возила обоих к педиатру в Майкоп, мне сдали кровь, мочу и кардиограмму, и всё оказалось в норме, а врач с извиняющейся улыбкой сказала, что дети просто очень активные.

– Так, – сказала я. – Давай по порядку, как на приёме. Сроки. Когда это у вас происходит, в каком возрасте и что бывает дальше?

– Первый оборот в пять-шесть лет, – ответил Батраз, и я заметила, что он тоже невольно перешёл на сухой, деловой тон, как будто мы вдвоём оформляли карту вызова. – За четыре-восемь недель до него начинаются признаки: жар, острый слух, глаза, ногти, рычание, тяга к сырому мясу, беспокойство перед грозой. Бывает, что уши или шерсть по спине вылезают на несколько минут и сами проходят. Сам оборот случается только в сильную грозу.

– Тяга к сырому мясу, – повторила я. – Ох, ну конечно. А я неделю думала, что у них дефицит железа, и варила печёнку. Ава вчера съела кусок говядины прямо из упаковки и сказала, что так вкуснее.

Батраз коротко хмыкнул, и мы оба на секунду забыли, почему сидим рядом. Потом он перестал улыбаться.

– Вот тут слушай внимательно, Вита. Волчонка из облика возвращает зов альфы, а у детей альфы это зов отца. Если во время грозы отец рядом и ребёнок успел привыкнуть к его голосу, всё проходит как насморк. Если нет, волчонок может остаться волком. Навсегда.

Мне пришлось дважды повторить про себя последнее слово, чтобы оно приобрело смысл. Навсегда. Я поймала себя на том, что смотрю на Асиятину подушку в клеточку и считаю клетки в одном ряду, и их было одиннадцать, а потом я сбилась и начала снова. Мне нужно было что-то измерить, потому что всё остальное вдруг перестало поддаваться измерению.

– Сколько времени нужно, чтобы привыкнуть к голосу?

– Три-четыре недели. Каждый день рядом. А гроза в этих горах в начале лета сильная, ты сама знаешь, сезон. Я бы сказал, у вас осталось от четырёх до шести недель. Ну, это если судить по признакам.

– По признакам, – повторила я. – То есть вы определяете срок на глаз, как грибник, а я должна на этом строить график. Батраз, мне нужен ответ, а не прогноз. Что будет, если я просто не отдам?

Он посмотрел на меня долгим внимательным взглядом, в котором не было ни упрёка, ни угрозы, и от этого мне стало ещё хуже.

– Я не заберу и не отдам, Вита, это не мне решать. Но ты спросила, что будет, и я ответил честно. Хочешь, чтобы я соврал?

– Не хочу, – сказала я, и голос у меня вышел глухим, чужим. – Иди к машине, Батраз. Мне нужно уложить детей.

***

Вечер у нас всегда шёл по одному порядку, и я цеплялась за этот порядок, как за перила на крутой лестнице. Ванна, которую Ава превращала в бассейн с пенными горами, а Веля в

аквариум для деревянного волка; сказка, которую я читала вполголоса, потому что оба слушали сразу и на три страницы вперёд знали, что будет дальше; чай с чабрецом, оставленный Асият на подоконнике в термосе. Асият в этот вечер ушла к сестре на другой конец посёлка, и за стеной было непривычно тихо.

– Мам, а дядя Батраз плохой? – спросила Ава, вылезая из воды и сразу же окатывая меня с головы до ног. – Он какой-то нервный. Вообще-то нервным взрослым надо давать чай.

– Дядя Батраз мой старый знакомый, он не плохой, он просто немного расстроенный, – ответила я и закутала её в полотенце с кроликами. – Давай-ка руки вверх, русалка. И перестань оббрызгивать маму, я сегодня без запасной футболки.

Веля не сказал ни слова, пока я вытирала его и надевала пижаму с космонавтами. Он вообще был из тех, кто сначала долго думает, а потом говорит одну фразу, после которой хочется сесть. Он положил волка на подушку, поправил ему лапы, чтобы тот лежал ровно, и посмотрел на меня серьёзными тёмными глазами, и взгляд у него был отцовский, прямой и долгий.

– Мам, он говорил про папу, – сказал Веля. – Я слышал. У нас окно открыто.

Я как раз застёгивала верхнюю пуговицу на его пижаме и на секунду так и осталась, с пальцами у воротника. Дети знали, что папа у них есть где-то далеко и что он никому не сделал ничего плохого. Больше им знать было нечего, и я очень старалась, чтобы это звучало как короткая правда, а не как закрытая дверь.

– Слышал, ну и хорошо, Велюш. Завтра я поеду по важному делу и, может быть, расскажу побольше. А сейчас давайте спать, потому что завтра длинный день.

Он кивнул и ничего не стал спрашивать, потому что подумать ему было важнее, чем получить ответ.

Гроза подошла ближе к десяти. Ещё не по-настоящему, она шла где-то за плато, и небо над горами иногда подсвечивалось изнутри белым, но звука не было. Я выключила большой свет, оставила ночник в виде луны, и мы втроём устроились на нижней кровати, которую давно уже пора было отдать им целиком. Ава лежала головой у моего плеча, Веля с другой стороны, и оба смотрели в окно.

– Вспышка! – шёпотом объявила Ава. – Начинаем считать. Раз волчонок, два волчонок…

– Три волчонок, четыре волчонок, – подхватил Веля.

Это была наша игра с тех пор, как они научились говорить. Пока считаешь секунды между молнией и громом, можно прикинуть, как далеко гроза, и она перестаёт быть страшной, а становится просто числом. Когда-то я сама придумала про волчонка, потому что слово «секунда» им не давалось, а волков в книжках с картинками в нашем доме было с избытком. Я тогда понятия не имела, как это обернётся.

– Пять волчонок, шесть волчонок, семь, – досчитала Ава, и вдалеке сухо, коротко прогремело. – Далеко! Мам, семь, это далеко?

– Это очень далеко. Это на другой стороне плато.

Ава довольно вздохнула и закрыла глаза. А я смотрела на неё и видела, как под тёмными ресницами, в серой темноте детской, у неё мягко светятся две зелёные точки, как у кошки в свете фар. Не отражение, не фокус: свет шёл изнутри, спокойно и ровно, будто ей там что-то снилось. Я протянула руку к Велиной ладони, лежавшей поверх одеяла, и пальцы наткнулись на ногти, которые днём были обычными детскими, а сейчас стали твёрдыми и чуть загнутыми, совсем как маленькие костяные крючки.

Я не вскрикнула. Это оказалось самым страшным: что я не вскрикнула. Я лежала и спокойно, как на вызове, отмечала про себя: частота дыхания нормальная, кожа тёплая, но не горячая, ногти изменены, зрачки реагируют. Потом дети уснули, и я поняла, что весь этот перечень мне нужен был затем, чтобы не думать.

***

На кухне горел только свет над плитой. Я достала из нижнего ящика шкафа картонную папку с завязками, в которой хранилось всё, что у меня вообще было: свидетельства о рождении, договор аренды с Асият, мамин диплом медсестры, справка из роддома. Под всем этим лежал синий конверт, плотный, с надписью «ВИТЕ» печатными буквами и странной «В» с петлёй внизу, как у человека, который писал её второпях.

Я не вынимала его шесть лет, но помнила наизусть. Десятое июля две тысячи двадцатого, жаркий вечер в Белом ущелье, где я жила у Алана в доме с видом на склон, где неделю не было связи, потому что он ушёл со стаей в Верхний лес. Я собиралась сказать ему про беременность, когда он вернётся: уже третьего узнала сама, сидя на краю ванны с тестом в руках и глупо улыбаясь. И вот на пороге лежал этот конверт, и в нём два листа. Первый был рукой Алана, письмом Казбеку Гудиеву, который я знала только по рассказам: «Согласен на союз. Свадьба с Дзерассой двадцать девятого августа». Второй напечатан на принтере, коротко: «Свадьба двадцать девятого августа. Он не скажет сам. Человеку в стае не место».

Я помню, что прочла это стоя, а потом села прямо на пол в прихожей, потому что ноги отказались. Помню, что почерк в первом письме я узнала бы из тысячи, потому что видела его на всех бытовых записках на холодильнике: «Купить гвозди», «Вернусь к ужину». Помню, что за неделю до этого кто-то в стае, не помню кто, обронил слово «союз», а я решила, что это про лес. Спросить мне было некого, Алан был без связи, а мать моя умерла двумя годами раньше, и на всём белом свете у меня была одна Марета, преподавательница из колледжа, которая никогда не спрашивала лишнего.

Одиннадцатого июля я оставила на кухонном столе записку из пяти слов: «Я знаю про Дзерассу. Будь счастлив. Не ищи». Взяла сумку, села в автобус до ближайшего города и позвонила Марете уже с вокзала. Я даже не плакала до самого Краснодара. Потом плакала всю ночь, а утром пошла проверять, как там моё сердцебиение, потому что их у меня оказалось двое, пока ещё невидимых, но уже вполне настойчивых.

Я сидела над конвертом, пока чай совсем не остыл. Страх был не за себя: я шесть лет привыкала жить без Алана и вполне преуспела. Мой страх был совсем простым, медицинским, он помещался в одну строчку: если волчонок не вернётся, это не лечится. Ни капельницей, ни адреналином, ни сорока километрами по серпантину до Майкопа. И единственный человек, у которого есть нужный голос, находится в шестистах пятидесяти километрах отсюда, и именно он женился на другой.

Я так в этом была уверена, что даже не допускала, что могу ошибаться. Он женился на Дзерассе, может быть, уже и не на ней, но женился, у него наверняка своя жизнь, своя стая, свои дети, которым он по расписанию читает сказки. Ему нужно будет объяснять, почему он узнаёт о близнецах через шесть лет. А мне нужно будет объяснять это себе.

– Так, – сказала я вслух пустой кухне. – Значит, никаких истерик. План.

План занял пять минут. Он состоял из трёх пунктов: найти Алана, поставить условия, спасти детей. Остальное я собиралась решать по мере поступления, как на ночной смене, когда в одну бригаду падает всё сразу. Я встала, убрала конверт обратно под документы, но папку в ящик не положила, а оставила на столе: пусть лежит на виду, чтобы я не вздумала передумать.

Было почти два часа ночи, когда я надела куртку, сунула ноги в кроссовки и тихо вышла на крыльцо. Дом спал. За стеной у Асият не горел свет, дети дышали ровно, а гроза тем временем отошла за гребень и бормотала там, как недовольный сосед. У калитки, под единственным на всю улицу фонарём, стоял тёмно-синий УАЗ «Патриот», а рядом, прислонившись к капоту, ждал Батраз. Он не уехал, и я не удивилась: человек, который четыре дня наблюдает за магазином, не уезжает по первому слову.

Я подошла к нему и остановилась, не доходя двух шагов. Он выпрямился и ничего не сказал, и за это я была ему даже благодарна. Мне хотелось, чтобы мой голос прозвучал твёрдо, а не просящим, поэтому я сначала глубоко вдохнула.

– Передай своему альфе: завтра в двенадцать я сама к нему приду. И пусть даже не думает подъезжать к моему дому.

Глава 2. Дети да, я нет

Я поставила «Ниву» у домика № 4 на «Тисовой поляне» и просидела в машине две минуты, держа в руке листок с условиями. Листок был вырван из тетради дочери по рисованию, с одной стороны там красовался розовый единорог, а с другой, моим ровным медицинским почерком, шли пять пунктов. Я переписывала их трижды за ночь, и в последней версии осталось только то, без чего я не соглашалась обходиться.

Было без пяти двенадцать. Над бревенчатыми домиками стояла настоящая июньская жара, пахло нагретой хвоей и жареным луком из столовой на другом конце базы, а за последним домиком начинался буковый лес, густо-зелёный и совершенно равнодушный к моим переживаниям. Дети остались у Асият, которой я сказала только, что мне нужно по делам, и что к нам, возможно, зайдёт старый знакомый. Асият поправила на носу очки с цепочкой, глянула поверх них и ничего не ответила, но в сумку мне сунула пирожок с картошкой. Он лежал на пассажирском сиденье в газете и пах так по-домашнему, что я чуть не расплакалась.

– Ну, Озёрова, – сказала я себе вслух. – Ты десять лет возила людей с остановкой сердца в тряской «буханке». Один разговор на террасе тебя не убьёт.

Я вышла из машины, одёрнула футболку и пошла по дорожке, выложенной плоскими камнями. Не успела я дойти до третьего камня, как дверь домика открылась, и на террасу вышел Алан.

Он почти не изменился, и это было хуже всего. Всё те же широкие плечи в простой серой футболке, те же руки с разбитыми костяшками столяра, та же светлая, цвета речной гальки пара глаз под тяжёлыми бровями. Только седая прядь у виска, которая раньше была тонкой ниточкой, расползлась до целой пряди, а под глазами лежали тени человека, который девять часов не отпускал руль. Он остановился у перил, не спускаясь вниз, словно сам не доверял своим ногам.

И в эту секунду нас обоих накрыло. Запах грозы, мокрого камня и воздуха перед ливнем, какого не бывает посреди жаркого, ясного дня на базе отдыха, сомкнулся вокруг так плотно, что я на мгновение перестала слышать цикад. Шесть лет я говорила себе, что это глупость, суеверие, плод моей беременной психики. Глупость стояла в пяти шагах и пахла как мой самый первый вечер в Белом ущелье.

– Здравствуй, Вита, – сказал Алан. – Проходи на террасу, там тень и есть вода. Я не знаю, как положено начинать этот разговор, поэтому начну с главного: спасибо, что пришла. Я не был уверен, что ты придёшь.

– Здравствуй. Я пришла не к тебе, а за ответом, – сказала я и поднялась на террасу, выбрав стул подальше от его кресла, так, чтобы стол оказался между нами. – Ох, и жарища. Давай без вежливости, хорошо? Я с шести утра думаю только о том, что мне предстоит сказать, и если ты сейчас предложишь мне чай, я не выдержу.

– Тогда чай не предлагаю, – ответил он спокойно, хотя в уголке рта у него дрогнуло. – Предлагаю говорить, как тебе удобно. Но сначала один вопрос, и я бы хотел, чтобы ты не отвечала сразу, а подумала: Батраз говорит, что двоим по пять лет, они родились в феврале двадцать первого. Значит, ты уже была беременна, когда уезжала. Ты это знала?

– Знала, – сказала я, и слово упало на стол, как камень. – Знала с третьего июля. Собиралась сказать тебе, когда ты вернёшься из Верхнего леса. Потом поняла, что говорить больше не о чем.

Алан медленно кивнул, и я увидела, как у него сжались пальцы на подлокотнике: не резко, а так, как сжимаются, когда человек удерживает что-то тяжёлое. Он ничего не сказал. Он говорил мало, зато каждое слово у него было из тех, что весят.

Тогда я развернула листок.

– Я составила условия, – объявила я, и голос получился дребезжащим, пришлось откашляться. – Не потому что хочу тебе что-то диктовать, а потому что иначе мы вдвоём утонем в разговорах, а мне нужно, чтобы всё было по пунктам. Итак. Первое: дети да, я нет. То есть ты можешь быть им отцом, можешь приходить, говорить с ними, привыкать, раз надо, а я в этой схеме просто мать, которая сидит на соседнем стуле и пьёт чай. Второе: никакого ущелья. Ни сейчас, ни после грозы, ни по праздникам. Третье: детей никуда без меня. Ни в машину, ни в лес, ни на соседнюю улицу. Четвёртое: все решения про них принимаю я как мать, а ты можешь высказывать мнение, но не решать. И пятое: ты видишь их каждый день, пока это нужно для зова. Каждый день, Алан, а не когда у тебя найдётся время.

Я дочитала и подняла глаза. Он смотрел на меня так, как смотрят на человека, который только что очень вежливо выстроил забор там, где раньше была дорога.

– Хорошо, – сказал он наконец. – То есть «мм», я понял каждый пункт. Теперь я скажу, что чувствую, и ты меня выслушаешь до конца, потому что я шесть лет не говорил этого вслух, и если остановлюсь, больше не смогу.

– Говори, – разрешила я.

– Я приехал в семь тридцать утра, и всё это время я сидел на этой террасе и считал, – начал Алан. Голос у него был ровный, низкий, и именно это пугало больше любого крика. – Я считал, что за пять лет они сделали первый шаг, сказали первое слово, упали с первого велосипеда, и меня ни при одном из этих событий не было. Что роды были в феврале, в Майкопе, и ты рожала одна. Что они, наверное, болели, как болеют все дети, и ты по ночам мерила им температуру, а я в это время пилил доски и думал, что ты ушла к другому или просто решила, что я тебе не нужен. Вита, я не кричу. Я никогда не кричу. Но ты должна понять, что я сейчас очень, очень зол. Не на тебя, или не только на тебя. На всё, что у меня забрали.

– Тебя никто не забирал, ты сам ничего не… – начала я, но он поднял ладонь.

– Дай договорить. Я не спрашиваю, почему ты ушла. Спрошу потом, когда мы оба сможем это выдержать. Я только говорю, что ты можешь поставить мне сколько угодно условий, Вита, я выполню каждое, но не проси меня делать вид, будто эти пять лет у меня никто не забирал.

Я сглотнула. Мне хотелось ответить что-нибудь резкое, умное, достойное, но язык отказался повиноваться. Вместо этого я повертела в пальцах листок, разгладила на столе загнувшийся уголок и вдруг поймала себя на том, что разглядываю единорога. Единорог был розовый, улыбался и совершенно ничего не понимал.

– Я не знала, что ты захочешь, – сказала я тихо. – Я всё это время была уверена, что тебе не до нас. Ты же женился.

Слово «женился» вырвалось само, хотя я собиралась задать этот вопрос только на выходе, мимоходом, как бы между прочим. Алан замер. Не так, как замирает человек, которого застали врасплох, а скорее как тот, кто нашёл в кармане вещь, которой там не должно было быть.

– Ты женился? – повторила я громче и в упор. – Это простой вопрос. Дзерасса, свадьба в августе. Я прочла всё в конверте. Ты женился?

– Это не касается детей, – ответил он.

Он сказал это ровно, глядя прямо на меня, и ничего не прибавил. Для человека, который никогда не отвечает одним словом, это была слишком короткая, слишком глухая фраза, и я поняла, что она означает «да», и «потом», и «не сейчас» сразу. Я кивнула, потому что мне было нечем дышать, и аккуратно сложила листок вдвое.

– Ясно, – сказала я. – Тогда у нас с тобой не будет личных тем. Только дети.

– Вита…

– Нет. Это условие номер шесть. Я его только что придумала, но оно действует.

Мы помолчали. Где-то внизу, на базе, звонко засмеялись девчонки, у которых только что началась экскурсия на водопады, и мне захотелось оказаться среди них, с рюкзаком, в панамке,

без всякой биографии. Я полезла в сумку и достала плотную прозрачную папку, куда ещё ночью переложила самые важные бумаги. Положила её на стол и пододвинула к нему двумя пальцами.

– Это свидетельства о рождении. Копии, оригиналы лежат дома. Смотри, как там записано.

Он осторожно открыл папку, словно внутри мог оказаться кто-то живой. Вынул верхний лист, посмотрел, потом второй. Я видела, как его глаза двигаются по строчкам, находят «Озёров Велемир Аланович», потом «Озёрова Аврора Алановна», останавливаются на графе «отец». Там было написано его имя, потому что в двадцать первом году я решила, что дети не будут расти с прочерком, хоть юридически это значило только мои слова.

Алан молчал долго. Минуты три, а может, и больше: за это время успела прилететь оса, понюхать мою воду, обидеться и улететь. Он держал оба листа так бережно, что бумага не гнулась, и несколько раз беззвучно шевелил губами, перечитывая отчества. Потом отложил свидетельства и положил на них ладонь, как накрывают птенца.

– Аланович, – сказал он наконец хрипло. – Алановна. Ты записала меня.

– Я записала правду, – ответила я резче, чем собиралась. – Это не подарок тебе, это подарок им. Чтобы у них было, что вписывать в анкеты. Юридически, к твоему сведению, это ничего не значит: отец записан со слов матери, прав у тебя нет и пока не будет. Хочешь, оспаривай.

– Не хочу, – сказал он. – Я никогда не пойду против этого листа.

И тут он сделал то, чего я ждала меньше всего: встал, обошёл стол и опустился передо мной на корточки, чтобы глаза оказались вровень. Широкие ладони легли на колени, на меня он не смотрел, а глядел на свою седую прядь, отразившуюся в стакане с водой.

– Я принимаю твои условия, – сказал он. – Все пять и шестой, нечестный. Дети да, ты… нет, как ты скажешь, никакого ущелья, ничего без тебя, решаешь ты, вижу их каждый день. Но у меня тоже есть своё, и оно не обсуждается. Я останусь в Адыгее до грозы и дольше, если понадобится. Я уже говорил с Батразом, домик нам с ним дали на сутки, но я оформлю его помесячно. Я не уеду, пока они не обернутся и не вернутся. Это не условие, Вита, это просто то, что я собираюсь сделать, и ты можешь рассчитывать, что я сдержу слово.

– Ох, Алан, – вырвалось у меня, и я сама удивилась, как жалобно это прозвучало. – Встань, пожалуйста. Мне неудобно разговаривать с человеком, который сидит на корточках. Ты занимаешь всё моё пространство.

Он встал, не споря. Достал из кармана кошелёк, потом вспомнил, что сейчас не время, спрятал обратно и коротко, невесело усмехнулся самому себе.

– Хм. Давно я так плохо не соображал. Скажи, во сколько и где мне быть, чтобы познакомиться с ними? Я должен быть в рубашке? Принести что-нибудь? Они вообще любят сладкое?

– Они любят всё, что нельзя, – сказала я. – В шесть вечера, у меня во дворе. Через калитку. Ничего не неси, они всё равно запомнят не подарок, а как ты стоишь. И, Алан… не пугай их. Они не знают, что такое волки. Они знают, что на дереве живут белки.

– Я понял, – сказал он. – Я очень постараюсь не быть большим.

Не знаю, что на меня нашло, но я рассмеялась. Коротко, нервно, зажав рот ладонью, а он улыбался краешком, как когда-то, и на мгновение мне показалось, что шесть лет сложились в тонкую папиросную бумагу и тут же порвались.

***

В шесть вечера двор на Лесной выглядел так, будто в нём репетировали парад. Асият, которой я всё-таки призналась, что придёт отец, выставила на стол под орехом пирог с вишней, вазочку с сахарными кусочками и три чашки, включая одну с отбитой ручкой, которую она вообще никому не подавала. Сама она ушла к себе, но занавеска в её окне подозрительно шевелилась. Дети были вымыты, причёсаны и очень недовольны этим: Ава сидела на качелях с

косой, собранной в такой тугой хвост, что у неё глаза слегка поднялись к вискам, а Веля стоял у моей ноги и держал в руках деревянного волка.

– Мам, а когда он придёт? – спросила Ава, раскачиваясь. – Вообще-то я уже полчаса жду, и это невежливо. Взрослые должны приходить вовремя. А если он не придёт, я ему скажу, что это неправильно.

– Придёт, Ава. Он обещал, – сказала я. – И пожалуйста, не командуй с порога. Хотя бы первые пять минут.

– Я не командую, я организую, – оскорблённо ответила она. – Это совсем разное.

Калитка скрипнула ровно в шесть. Он не стал входить широким шагом, как входил всюду, а остановился на пороге двора, оставив руки так, чтобы их было видно, и я поняла, что он этому учился сегодня весь день. Без куртки, в чистой голубой рубашке, застёгнутой на все пуговицы, по которой даже было видно, как он её гладил. На плече у него болталась матерчатая сумка, и я с ужасом подумала, что в ней лежит что-то лишнее, нелепое.

Первой отреагировала Ава. Она соскочила с качелей, подбежала к нему и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Потом, не говоря ни слова, подошла ещё ближе, вытянула шею и громко, обстоятельно, втянула носом воздух сначала у его рукава, потом у ладони, потом у пряжки на ремне.

– Ты пахнешь, – сказала она тоном ревизора. – Это ты, или у тебя что-то в сумке? Покажи сумку.

– Ава! – выдохнула я.

– Ничего, Вита, пусть проверяет, – сказал Алан и, не сводя глаз с дочери, осторожно снял сумку и поставил в траву. – Там, Ава, ничего нет, кроме бутерброда и ключей. Хочешь, достанем, ты убедишься сама.

– Хочу, – ответила она и тут же вытащила из сумки завёрнутый в бумагу бутерброд с сыром, который осмотрела с двух сторон и торжественно вернула. – Нормальный. Я Ава, мне пять, а это мой брат Веля, он старший на двадцать минут, и он вообще-то тебя боится, но не говорит. Он умный, он потом тебе скажет. А ты кто?

Алан ещё секунду смотрел на неё, и я увидела, как у него на шее дёрнулась жила, но голос, когда он заговорил, остался ровным и тёплым.

– Меня зовут Алан. Я ваш отец, тот человек, про которого мама, наверное, рассказывала, что он где-то далеко. Я был далеко, потому что не знал, что вы есть, а теперь знаю и приехал. Если вам нужно что-нибудь спросить, спрашивайте. Я отвечу честно, даже если это будет не очень приятно.

Он опустился на корточки, как сегодня передо мной, и теперь они оказались вровень. Ава уставилась на седую прядь у виска, помедлила и вдруг потрогала её пальцем, как трогают снег.

– Это что, ты старый?

– Нет, мне тридцать шесть, – серьёзно ответил Алан. – Просто часть волос поседела раньше времени. Бывает от переживаний.

– А ты переживал?

– Очень.

Веля тем временем всё сильнее прятался за мою ногу, так что мне пришлось придерживать его за плечо. Он выглядывал из-за моего бедра с тем сосредоточенным выражением, с каким разбирал сломанные игрушки. Алан заметил его и не стал звать, не стал тянуть руки, а просто чуть повернул голову и заговорил так, будто они вдвоём обсуждали ремонт.

– Веля, я слышал, у тебя есть деревянный волк. Я не буду просить его посмотреть. Скажу только, что, если когда-нибудь захочешь, я могу показать, как сделать такой же. Ты думай сколько нужно. Я не тороплюсь.

Веля подумал. Потом вышел из-за моей ноги на полшага, поднял волка и молча показал его отцу, держа за хвост, как держат важную улику. Я заметила, что Алан не потянулся к нему

рукой, а только наклонил голову и долго, внимательно изучал фигурку, не говоря ни слова, и что у него при этом дрожит подбородок.

Мы сидели за столом под орехом, ели пирог с вишней и разговаривали как люди, которые встретились на вокзале и никак не могут решить, к кому первым подойти. Ава рассказала Алану про белок, про воспитательницу Нафисет, про то, что в воскресенье качели скрипят и их надо чинить, и нет ли у него молотка. Веля слушал, не притрагиваясь к кусочку пирога, пока отец не разломил свой пополам и не положил половину на его тарелку, ничего не говоря.

Когда небо над ореховой кроной порозовело и Алан поднялся уходить, обещая прийти завтра, я проводила его до калитки. Он остановился, обернулся к двору и негромко сказал мне, не поворачивая головы:

– Спасибо, что дала мне эти два часа. Я знаю, чего тебе это стоило.

Я хотела ответить что-нибудь колкое, но в этот момент по гравию простучали босые пятки, и Ава, красная от беготни, налетела на меня сзади и обхватила за пояс. Она задрала голову, проводила глазами спину уходящего Алана и очень громко, на весь двор, потому что другого голоса у неё не существовало, спросила:

– Мама, он пахнет, как перед дождём. Его можно оставить?

Глава 3. А ты кусаешься?

В воскресенье в десять утра Алан приехал на Лесную с ящиком инструментов в одной руке и мотком верёвки в другой, и Ава встретила его у калитки вопросом в лоб, даже не поздоровавшись. Она стояла на нижней перекладине, облокотившись на забор, с видом начальника караула, и ждала, пока он поставит ящик на землю.

– А ты кусаешься?

Я как раз вышла на крыльцо с кружкой чая и так и застыла, потому что в этом вопросе была вся Ава: никаких «здравствуйте», никаких «как дела», сразу в самое больное место. Алан остановился, поставил ящик и посмотрел на дочь с таким серьёзным лицом, что мне стало не по себе. Позади него, у пикапа, переминался Батраз, который вызвался поднести доски и теперь делал вид, что рассматривает колесо.

– Я не кусаюсь, Ава, если только меня очень сильно не попросят, но твоя мама вряд ли это разрешит, так что считай, что нет, – ответил Алан.

– А почему «если очень попросят»? Кто может попросить?

– Ну, например, если на меня нападёт злая собака, а мама стоит рядом и просит её защитить. Тогда я бы мог. Но собаки у вас во дворе нет, а значит, и кусать некого.

Ава подумала, склонив голову набок, и перешла к следующему пункту, который, по-видимому, тоже давно её мучил.

– А покажи хвост.

Я чуть не поперхнулась чаем. Из-за машины донёсся короткий сдавленный звук, и я решила, что Батраз подавился воздухом. А Алан так же невозмутимо расстегнул молнию на ящике, достал плоскогубцы и положил их на перекладину калитки, чтобы освободить руки.

– Хвоста у меня нет. Я человек, как твоя мама, и на уроках биологии вам тоже скажут, что хвост бывает у собак, лошадей и обезьян. Но если ты хочешь убедиться, можешь обойти меня и посмотреть сзади. Я не обижусь.

Ава обошла. Тщательно, по кругу, заглянув ему за пояс, и вернулась с видом человека, который в чём-то разочарован, но пока не готов этого признать. Тогда я первый раз за три дня рассмеялась по-настоящему, не нервно, а так, что пролила чай себе на колено. Алан обернулся на звук, и лицо у него на секунду стало таким, каким я его помнила: открытым, почти мальчишеским, с морщинками в уголках глаз.

– Ох, прости, – сказала я, вытирая колено. – Это нервное. Ава, у каждого человека есть право на личное пространство. Алан, не слушай её.

– Я её слушаю с огромным интересом, – сказал он, и по тому, как он это сказал, мне стало ясно, что это правда.

Качели оказались серьёзной проблемой. Одна из цепей давно разболталась на крюке, и сиденье перекашивалось, из-за чего Веля после третьего раза отказывался на них садиться. Алан обошёл конструкцию дважды, постучал по столбам, пошатал перекладину, а потом объяснил, что дерево здоровое, а крепёж никуда не годится, и надо менять. Он говорил это не мне, а детям, развернувшись к ним лицом и показывая пальцем, где у качелей слабое место, как будто они вместе принимали решение.

Веля подошёл, когда Алан уже стоял на стремянке. Не к нему, а к нижней перекладине, и принялся её изучать, держась на расстоянии вытянутой руки. Потом поднял голову и очень тихо, почти шёпотом, сказал:

– А если цепь лопнет?

– Если цепь лопнет, значит, я плохо её закрепил, и это моя вина, – ответил Алан, не оборачиваясь. – Но она не лопнет, потому что я поставлю две скобы и проверю каждую своим весом. Хочешь посмотреть?

Веля подумал и кивнул, и я заметила, что кивок этот стоил ему больше, чем всё сказанное за утро.

К полудню качели висели ровно, Батраз давно уехал по делам цеха, а Ава перебралась с забора на плечи Алана и оттуда руководила работой. Я принесла им бутерброды, сыр и холодный компот. Асият выглянула из окна, оценивающе осмотрела спину гостя, потом покачала головой и ушла в дом. Что она при этом думала, я не стала выяснять.

***

После обеда, пока Ава спала на веранде, раскинув руки, Веля вдруг подошёл к отцу и протянул ему деревянного волка. Молча, с таким видом, будто передавал государственную тайну. Алан взял его двумя пальцами, повертел, и я увидела, как напрягаются его плечи.

– Мы можем пойти к дереву? – сказал Веля. – К старому буку. Там тихо. Я там думаю.

Так мы оказались на тропе к Кизиловому ручью: Веля впереди, потому что показывал путь, Алан следом, а я замыкала шествие и несла плед и воду. Ава осталась с Асият, которая, как выяснилось, умела договориться с кем угодно за три минуты и пол-пирога. Тропа шла вдоль ручья, прохладная и зелёная, и уже в десяти шагах от калитки звенело и пахло мокрыми камнями. У старого бука с широким дуплом Веля остановился, снова взял волка и показал отцу какую-то зарубку на брюхе.

– Видишь? Я её не делал. Она тут была всегда.

Алан присел на корточки и долго рассматривал зарубку, а потом провёл по ней большим пальцем, и по тому, как он это сделал, мне стало понятно всё. Он узнал. Узнал фигурку, которую вырезал шесть лет назад в мастерской Белого ущелья, возясь с остатками самшита, и которую я зачем-то взяла с собой, когда убегала. Не бросила, не выбросила, не закопала на дне чемодана, а увезла. Я всё это время говорила себе, что просто так вышло.

– Это моя, – сказал он тихо, повернувшись ко мне. – Вита, это ведь моя работа. Я резал её в июне двадцатого.

– Ну да, – ответила я, пожав плечами, и тут же поняла, что делаю это слишком картинно. – Он с ней спит. Ему было два года, когда он её нашёл в коробке, и больше мы не расставались. Это просто игрушка, Алан. Хорошая, прочная. Не вздумай принимать на свой счёт.

– Не принимаю, – сказал он и аккуратно вложил волка обратно в Велину ладонь. А потом, глядя на сына, добавил: – Только это самый лучший волк из всех, что я вырезал. Тот, кто его так бережёт, разбирается в мастерстве.

Веля посмотрел на волка, потом на отца, потом залез в дупло по пояс, вытащил оттуда три камешка и аккуратно разложил их на корне. Видимо, это был обряд посвящения, потому что Алан немедленно сел рядом, подвернув ноги, как будто всю жизнь только и делал, что рассматривал камешки.

Я отошла к ручью, чтобы им не мешать, присела на плоский валун и опустила пальцы в воду. Она была ледяная, со вкусом снега и камня, и после неё мысли сразу стали прозрачнее. Через несколько минут рядом хрустнула галька, и Алан опустился на соседний камень, оставив между нами тот самый метр, который мы без слов оба признали безопасным.

– Он собирает камни по цвету, – сказал Алан, глядя на ручей. – Белые отдельно, серые отдельно, с прожилками в третью кучку. Я в его возрасте делал то же самое, только мне давали за это по рукам.

– Он вообще очень методичный. Ава в мать, Веля, похоже, в… – я осеклась и не договорила.

– Я знаю, в кого, – мягко сказал он. – Не страшно. Говори.

Мы помолчали. Ручей звенел так громко, что я сама удивилась, что начала говорить, но слова пошли, как иголки из подушки. Я рассказала про роды: что они начались на тридцать шестой неделе, прямо в кабинете Мареты, посреди оформления бумаг, что Марета бросила всё, усадила меня в свою машину и повезла в Майкоп по ночной трассе, нарушая все возможные

правила. Что Веля родился первым и сразу молча уставился в потолок, а Ава через двадцать минут закричала так, что сестра в родзале выронила пелёнку. Что я до утра не знала, живы ли они оба, потому что мне ничего не говорили.

– Они весили по две четыреста, – добавила я. – Для двойни на тридцать шестой неделе это очень прилично. Мне потом сказали, что я просто упрямая.

– Ты и есть упрямая, – сказал он. – Я хотел бы там быть.

– Я знаю. Но тебя там не было. И не надо сейчас делать из этого что-то большее, чем есть.

Он больше ничего не сказал, и это было правильно. Только сорвал стебелёк мяты у воды, растёр между пальцев и протянул мне, чтобы я понюхала. Я понюхала. Пахло ручьём, детством, чужой кухней, и я подумала, что впервые за шесть лет рядом с этим человеком мне не хочется ни убегать, ни сдаваться, а хочется просто посидеть на камне.

***

В понедельник в восемь утра я принимала смену на подстанции, а в одиннадцать мы уже стояли на обочине у пасеки на повороте к плато. Хасан Аюбович гнал «Профи» по серпантину так, будто за нами гнались все волки Кавказа, а радио «Ретро» пело что-то про любовь, которая прошла, но не забыла. Вызов был «пчела, плохо с дыханием», и по голосу диспетчера я сразу поняла, что это не шутка.

Нальбий Кимович Ачмиз лежал на траве между ульями, синевато-серый, со вздувшимся лицом и хриплым свистящим дыханием. Рядом сидела его соседка, трясущаяся, в халате поверх рабочей одежды, и повторяла: «Он же всю жизнь с ними, они его не трогали». Я упала на колени рядом с ним, нащупала пульс, который то и дело ускользал под пальцами, и продиктовала Хасану холодным, ровным голосом, откуда он так внезапно у меня взялся, неизвестно:

– Давление шестьдесят на сорок. Дыхание стридорозное. Ожидаем анафилактический шок. Хасан Аюбович, укладка, адреналин ноль пять в бедро, быстро!

– Уже несу, Вита, – откликнулся он и действительно пробежал через поле с укладкой в одной руке и рацией в другой, с такой скоростью, какой я за ним не знала. – Ох, спина моя, радикулит, не сегодня, не сегодня!

Я вколола адреналин в наружную часть бедра сквозь штанину, не тратя секунды на раздевание, и приложила пальцы к шее. Считала вместе с часами. Хасан успел поставить кислород, развернуть капельницу и натянуть ему на лицо маску, пока я искала вену на дрожащей руке. Нальбий Кимович открыл глаза и прошептал, что пчёлы тут ни при чём, это Кизил мстит ему за тридцать лет мёда, и я с облегчением поняла: если человек шутит, он останется с нами.

– Лежите, Нальбий Кимович, мстить будете потом, – велела я, вводя преднизолон. – Сейчас вы у меня самый ценный пациент района. Вам нельзя разговаривать, можно только кивать.

Через десять минут давление поднялось до девяноста, дыхание выровнялось, лицо понемногу утратило синеву. Хасан притащил носилки, и мы вдвоём, плюс соседка, которая успела прийти в себя и командовала сзади, уложили его в машину. Я сидела рядом, держала руку на пульсе, а радио «Ретро» пело теперь про белые розы, и мне вдруг захотелось рассказать об этой смене кому-нибудь, кто поймёт, и я с удивлением обнаружила, что думаю об Алане.

– Ну что, фельдшер, – сказал Хасан, когда мы сдали Нальбия Кимовича в приёмное в Майкопе и вышли покурить воздух у машины. – Лицо у тебя какое-то странное. Вроде как светишься. Дело в нём?

– Хасан Аюбович, дело в адреналине, – ответила я. – Я только что вколола пенсионеру такой заряд, что сама заряжусь на неделю вперёд. Поехали, нас ждёт ещё куча вызовов.

– Ага, адреналин, – проворчал он, заводя двигатель. – У моей тёщи тоже был адреналин. Потом выяснилось, что это ухажёр.

Я фыркнула и отвернулась к окну, чтобы он не видел, как у меня краснеют уши.

***

Без двадцати пять у меня зазвонил телефон, пока я заполняла карту вызова на подстанции, и на экране высветилось: «Нафисет Натхо, детсад». Я вытерла руки о халат и ответила, уже зная, что звонок будет не про погоду.

– Вита Сергеевна, это Нафисет Мухамедовна, – сказала воспитательница сухо и напряжённо, как всегда, когда сообщала плохое. – У нас случилась неприятность. Веля подрался. Он оцарапал мальчика из подготовительной, и надо, чтобы вы приехали, потому что мать мальчика требует объяснений.

Я посмотрела на часы. Смена до восьми утра, Хасан где-то в отъезде на вызове, Марета на совещании в Майкопе. До сада двадцать минут езды, до подстанции обратно ещё двадцать, а в приёмной уже слышалась возня пожилого мужчины с одышкой. Я стояла посреди кабинета с телефоном, сжимая край стола, и понимала, что мне некому доверить детей. Последние шесть лет у меня не было такого человека. Была Асият, но она с утра уехала в Майкоп на анализы.

Я набрала Алана раньше, чем успела передумать. Он ответил на втором гудке, и по тому, как быстро это произошло, я поняла, что телефон лежал у него рядом.

– Вита?

– Мне нужна помощь, – сказала я прямо. – Я на смене до восьми утра, а Веля в саду подрался и оцарапал мальчика. Ничего страшного, но нужно забрать обоих и привезти домой. Ты можешь? Я предупрежу воспитательницу, что ты придёшь. Адрес ты знаешь, это улица Школьная, «Ласточка».

– Через десять минут буду на месте, – ответил он без единой паузы. – Что мне говорить, если спросят?

– Ничего, – сказала я. – Совсем ничего не объясняй, пожалуйста. Просто забери детей, покорми, дождись, пока я позвоню вечером. И, Алан, не пугай Велю. Он сам не поймёт, что случилось. Ему нужно спокойно.

– Понял. Я заберу их и ничего не буду объяснять, – повторил он тем самым ровным тоном, которым когда-то в ущелье говорил «будет сделано», и это было так странно, так по-домашнему привычно, что я прикрыла глаза.

Потом я перезвонила Нафисет. Она ответила на первом же гудке, как будто сидела над телефоном.

– Нафисет Мухамедовна, детей заберёт Алан Хетагович, это их отец. Я разрешаю, считайте, что устное согласие матери. Я приеду утром, как только сдам смену. А мальчика не надо волновать, это просто царапина, Веля, наверное, ногтями задел, когда они там возились. У детей бывает.

В трубке повисла тишина, такая длинная, что я проверила, не упала ли связь. Потом Нафисет заговорила совсем другим голосом, без обычной учительской строгости, медленно и тихо, как говорят, когда не хотят, чтобы услышали в соседней комнате.

– Вита Сергеевна, я двадцать лет в саду. Я знаю, как выглядят детские ногти. Это были не ногти.

Глава 4. Накладные ногти

Во вторник в двадцать минут девятого я вошла в свою кухню, пахнущая подстанцией, бензином и чужими лекарствами, и остановилась на пороге с сумкой на плече. На нашем коротком кухонном диване, рассчитанном на двух усталых женщин или на трёх детей, сидел Алан. Сидел он по-своему, откинув голову на подлокотник и вытянув ноги через полкухни, потому что в диване они не помещались, а на нём, свернувшись калачиком под его левой рукой, спала Ава в пижаме с зайцами. Её рыжая макушка уткнулась ему в подмышку, кулак зажал край рубашки.

Я слишком хорошо знала это зрелище по чужим семьям. Мужчины, уснувшие на диване с ребёнком, в большинстве случаев потом оказывались на моих вызовах с давлением, и всякий раз я думала: вот бы кому-нибудь так повезло. Теперь повезло мне, и я совершенно не знала, что с этим делать. На столе стояла вымытая кружка, рядом лежала записка «Каша в кастрюле, молоко в холодильнике, Веля встал в шесть и сам оделся», а на подоконнике сидел деревянный волк с таким выражением, будто тоже ждал оценки.

Я поставила сумку на пол, тихо, чтобы не разбудить. Алан открыл глаза сразу, будто и не спал, увидел меня, чуть приподнял бровь и, не шевеля плечом, прошептал:

– Она заснула в два ночи. Сначала слушала, как я рассказываю про рыб в ручье, потом спросила, живут ли в ручье волки, потом вырубилась на середине моего ответа. Прости, что я здесь так расположился. Я не хотел уходить, пока ты не вернёшься.

– Ох, – сказала я шёпотом, и вышло слишком мягко, пришлось поправиться. – Ничего. Я тебя и не просила уходить.

Это было неправдой, и мы оба это знали. Я стояла и следила, как Алан бережно, одним плечом, поправляет одеяло на спине дочери, как свисает с дивана её голая пятка, и понимала, что у меня внутри что-то оттаивает. Тёплая минута тянулась и тянулась, и в этой минуте мне хотелось снять куртку, сесть рядом и проспать до обеда. Именно поэтому я её оборвала.

– Так, – сказала я громче, чем нужно, и Ава заворочалась. – Мне нужно в душ и в сад. Ты можешь побыть с ними ещё час? Веля, кажется, у себя в детской, пусть играет тихо. Ава остаётся дома, пока мы не решим, что делать.

– Конечно, – ответил он. – Вита, ночью они были спокойны. Ни жара, ни ногтей. Ава только один раз зарычала во сне, когда в окно залетела мошка.

– Спасибо, что отчитался, – сказала я резко, как говорят на планёрке. – Это всё, что мне нужно знать.

Я ушла в ванную, включила воду и минуту стояла, упёршись лбом в кафель. Никто меня не учил так делать, но у меня выработалась привычка: когда что-то слишком хорошо, надо немедленно найти повод разозлиться. Так проще.

***

В девять тридцать я стояла в коридоре детсада «Ласточка», а воспитательница Нафисет Мухамедовна Натхо, в очках, со свистком на шее, глядела поверх стопки рисунков с тем выражением, которое сулило нехороший разговор. Мы зашли в её кабинет, маленький, увешанный детскими аппликациями. На подоконнике сидел плюшевый ёж, на столе лежало заявление, которое я принесла с собой, а рядом стоял стакан чая, к которому она не притронулась.

– Вита Сергеевна, вы вчера сказали, что это царапина, – начала Нафисет, садясь и аккуратно складывая руки. – Хорошо. У мальчика на предплечье три глубокие борозды, как от кошки. Его мама была у фельдшера, и она говорит, что такие следы не оставляет ребёнок ногтями. Я не хочу ничего предполагать, но я двадцать лет в саду и никогда не видела, чтобы дети так друг друга царапали.

– Нафисет Мухамедовна, я вам всё объясню, – сказала я, и у меня внутри заметалась паника, как мышь по стеклянной банке. Я расправила плечи и заговорила тем самым голосом, которым успокаиваю родственников больных. – Вы только не пугайтесь. Это накладные ногти. Из детского набора «Салон красоты», знаете, такие пластиковые, на клею. Ава купила в магазине, налепила брату, и они вдвоём играли в кошек. Они острые, у них кончики заточенные. Я нашла этот набор дома вчера вечером, всё выкинула, мы с ними долго разговаривали.

Нафисет молчала. Очки сползли на кончик носа, она медленно сняла их, потёрла переносицу и снова надела. Мне показалось, что у меня в ушах гремит собственная кровь.

– Накладные ногти, – повторила она. – Хорошо. Допустим. А почему тогда у Вели на пальцах после игры не осталось ни клея, ни остатков пластика? Я смотрела, Вита Сергеевна. Руки у него были чистые, только ногти толще обычного. И когда мы с ним говорили, он очень странно разглядывал мальчика. Не как ребёнок, который раскаивается. Как…

– Как кто? – спросила я слишком быстро.

– Как зверёк, которого загнали в угол, – тихо сказала она. – Я не хочу говорить лишнего, потому что в вашей семье, я знаю, и так трудно. Но детям так нельзя, они должны быть в безопасности. Я считаю, что вам нужно показать ребёнка врачу.

– Я фельдшер, Нафисет Мухамедовна, я каждый день вижу врачей. Показывала. Анализы в норме, – сказала я и услышала, как голос чуть не сорвался. – Я прошу вас поверить мне. И… вот ещё что. Я забираю обоих из сада. Прямо сейчас, до осени. Мы поедем на море, к родственникам. Врач рекомендовал сменить обстановку. Мне нужно заявление, которое я принесла, и подпись заведующей.

Нафисет взяла бумагу, прочитала её до конца, переложила в папку и снова подняла глаза, на этот раз без очков и без строгости. Только усталая женщина, которая видела за свою жизнь слишком много чужих тайн, чтобы не узнать ещё одну.

– Я подпишу, – сказала она. – Только знайте: если вам когда-нибудь понадобится помощь, а не враньё про накладные ногти, я здесь. Я здесь не просто так.

Я хотела поблагодарить, но горло перехватило. Только кивнула и вышла на крыльцо, где ждала нагретая солнцем лавка. Села, закрыла лицо руками и несколько минут сидела так, не замечая, как мимо проходят воспитанники старшей группы, проводя ладошками по прутьям забора. Я знала, что это конец нашей прежней жизни. Сад, привычный маршрут, любимый шкафчик в раздевалке с картинкой, всё, что держало детей в человеческом мире, на этом закончилось.

***

Дома меня встретила тишина, нарушаемая только звоном посуды. Алан стоял у раковины и мыл кастрюлю, а за столом сидели дети: Ава, уже полностью проснувшаяся и командовавшая, как правильно делать бутерброды, и Веля, молча жевавший корочку. Я прислонилась к дверному косяку и несколько секунд смотрела, потому что картина была, надо признать, красивая, и я не знала, как к ней относиться.

– Мам, а мы больше не пойдём в сад? – спросила Ава, не оборачиваясь. – Я уже знаю. Когда ты врёшь, у тебя краснеют уши, а они у тебя красные с самого порога.

– Мы пока не пойдём в сад, – сказала я, обмирая от того, что дочь читает меня, как карту вызова. – До осени. Поедем на море.

– Врёшь, – сказала Ава спокойно. – Мы никуда не едем. Просто нельзя, потому что у нас вырастают когти. Мам, я не маленькая.

Алан выключил воду. Он посмотрел на меня через плечо, ничего не сказал, но в этом взгляде было слишком много вопросов, на которые я не собиралась отвечать при детях. Я подошла к столу, подняла Аву на руки, прижала к себе и поцеловала в макушку, которая пахла яблоком.

– Ох, Ава, давай мы с папой… то есть с Аланом, поговорим об этом позже, хорошо? А вы пока поиграйте во дворе, только без когтей.

Дети вышли, а мы остались стоять на кухне, и в воздухе между нами сгустилось то, что я называю «предгрозовым давлением». Алан вытер руки о полотенце, повесил его на спинку стула и сказал очень ровно:

– Вита, давай решим, как мы живём дальше, раз сад закрыт. Тебе работать, нужно кому-то оставаться с детьми. Предлагаю: на твоих сменах я буду у тебя дома. Приходить вечером перед сменой, ночевать на этом диване, к утру тебя встречать. Асият за стеной, если что, поможет. Я не прошу, я предлагаю, и можешь отказаться.

– А если я откажусь, кто с ними будет? – спросила я. – Хасан?

– Мы найдём другой вариант, – ответил он. – Но по-моему, лучшего нет.

Я смотрела на этот диван, на котором он вчера спал, поджав колени, и представляла, как буду уходить на смены и оставлять детей не одним, а с ним. С тем, кого они знают четыре дня. С тем, кто пахнет перед дождём. Всё внутри кричало «нет», только голова упрямо повторяла, что другого выхода у нас нет.

– Ну, хорошо, – сказала я сквозь зубы. – На сменах ты у меня. Но чтобы никаких приятных сюрпризов, понял? Если я приду, а дети хоть раз накормлены сладким больше положенного, ты вылетишь с этой кухни быстрее, чем успеешь допить чай.

– Гм, принято, – сказал он, и в уголке его рта опять дрогнуло. – Только позволь одну просьбу: диван короткий. Может быть, мне принести раскладушку?

– Раскладушка в сарае, – ответила я. – Сам найдёшь.

***

Вечером на нас обрушилось всё сразу.

Началось, как это всегда бывает, с ерунды. Алан вернулся с турбазы с двумя пакетами продуктов и с выпиленной из бука фигуркой лисы, которую хотел подарить Аве. Он вошёл во двор, где мы с детьми сидели под орехом, и сказал, что звонил на подстанцию и узнал расписание моих смен до конца месяца. Что это нужно, чтобы составить график. Я взвилась, потому что звонить на мою работу, не спросив, было, на мой взгляд, перебором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.